

ЛОЯЛИЗМ ПОБЕДИТ, ДАЖЕ ВЫЙДЯ ИЗ МОДЫ

Сергей Шмидт

Сергей Шмидт — колумнист и блогер, известный как langobard; историк, доцент Иркутского государственного университета

«Лоялизм» — это не столько практика проживания нулевых, сколько одна из первых попыток подведения их итогов. Так как подведение итогов предполагает осуществление какой-то интеллектуальной работы на основе определенной образованности, не хотелось бы, рассуждая о носителях «лоялизма», определять данное явление как что-то вроде умонастроения, характерного для части так называемого образованного класса, или даже «думающего класса», поскольку образованности, мыследеятельности и уж тем более научности в лоялизме не больше, чем требуется для того, чтобы говорить и писать. Впрочем, этим лоялизм ничем принципиально не отличается от своих прошлых, нынешних, а также наверняка и будущих оппонентов.

Что же отличает лоялизм от его оппонентов? Во-первых, фактор отдаленности от власти, лояльность к которой деклари-

руется. Российские лоялисты XXI века всегда находились на достаточно далеком расстоянии от действующей власти, к которой, собственно, и были лояльны. Это очень важно. Лоялизм — это не чиновническое и не политическое, а вполне гражданское явление.

Во-вторых, лоялизм следует отличать от официальной идеологии, с которой его роднят элементы «патриотизма» (лоялисту действительно хочется видеть отечество процветающим и слегка сверхдержавным, но без всякой геополитической метафизики) и общая установка на то, что «в любом случае» лучше уж как сейчас, чем как в 1990-е. Однако в то, что основные успехи режима были обусловлены государственным гением и особой совестливостью его начальников, а не благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, лоялист не верит. Но, поскольку лоялизм — это «продукт второго срока» Владимира Путина, можно предположить, что данное явление довольно устойчиво в том смысле, что наступающие серьезные экономические проблемы для режима в целом на лояльном отношении к нему не отразятся.

Лоялизм возможен только во «время Путина». Лоялизма не будет «после Путина», поэтому и не имеет смысла говорить о лоялизме как о мировоззрении, а о лоялисте как типе личности

В-третьих, лоялизм — это принципиальное отрицание перфекционизма и любого предрасположения. Это установка на то, что сравнивать происходящее имеет смысл только с тем, что происходило или могло произойти, а не с тем, как должно быть. Путинскую Россию имеет смысл сравнивать с поздним СССР, но

задаваться вопросами, почему Россия не Швейцария, кто в этом виноват и кого за это следует осудить, — бессмысленно.

Лоялизм — это чуть ли не героический прагматизм. В том числе и на уровне пресловутого «другого народа у нас нет». Только с важными добавлениями, например: «и другого чиновничества тоже нет», как «нет и другого политического класса». Этот прагматизм, доведенный до высокой степени недоверия к альтернативам, наверное, и есть самое сильное и слабое место лоялизма одновременно. Сильное, ибо лоялиста нельзя поймать на удочку демагогических альтернатив. Слабое — из-за слепоты лоялиста к действительно реальным альтернативам.

Лоялизм — это аморализм. В хорошем смысле слова. Это отрицание практики вменения режиму «моральной вины». В первую очередь потому, что человеконенавистническая природа режима является предметом либо воспаленного воображения его чрезмерно эмоциональных противников, либо риторическим ходом с их стороны. Лоялизм — это отказ от моральных оценок не потому, что морали нет места в политике, а потому,

что «преступления режима» слишком уж очевидно ничтожны для того, чтобы можно было подвергать режим именно моральной критике.

Словом «лоялизм» уместно пользоваться не для того, чтобы избежать употребления красивого слова «консерватизм», и не для того, чтобы избежать упо-

требления некрасивого слова «конформизм». Лоялизм — это не политическое мировоззрение и не тип личности. Это определенная, политически окрашенная реакция на действительность, существующая исключительно в конкретном историческом времени, имеющая очень мало шансов сохранить хоть какой-нибудь потенциал для ежедневной актуализации после того, как это время закончится. Если сказать по-простому, то **лоялизм возможен только во «время Путина»**. Лоялизма не будет «после Путина», поэтому и не имеет смысла говорить о лоялизме как о мировоззрении, а о лоялисте как о типе личности, ибо и то и другое существуют вне зависимости от конкретного политического времени.

С недавних пор в Интернете зажил самостоятельной жизнью новый мем — «новые сердитые», который решительно вытесняет не очень удавшийся мем-проект «хипстеры» и достаточно удавшийся мем-проект «несогласные». И это первый серьезный речевой звоночек для лоялизма. Никто не знает, кто такие «новые сердитые», но все о них говорят, значит, скоро они появятся. Будут ли они страдать «параноидальным антипутинизмом», унаследовав его от своих непосредственных предшественников? Или, наоборот, усилят сердитость позаимствованными у лоялизма антиперфекционизмом и склонностью к предметным дискуссиям? Много интересных вопросов, подобных этим, можно задать про «новых сердитых».

Есть одно дурное предчувствие на их счет. Лоялизм, представляя собой условную «партию 2000-х», которая боролась против «партии 1990-х», строился на том, что в девяностые было хуже, чем в нулевые, и этого факта более чем достаточно для того, чтобы поддержать все, что происходило в нулевые. Так вот и «новые сердитые» могут скатиться в тот же риторический круг состязания последнего десятилетия XX века и первого десятилетия XXI. Девяностые уже проговариваются многими как «потерянный рай», неиспользованные возможности, правильная дорога, с которой свернули и заплутали. Если будет звучать (а так уже происходит) примитивное: назад в Россию ельцинскую из России путинской! — карту «новых сердитых» можно счесть битой.

Лоялизм победит, даже выйдя из моды. Если же «сердитость» будет опираться не на миф о вечном возвращении, а на миф о вечном движении, иначе говоря, произойдет-таки разрыв с повесткой под названием «постсоветская Россия» и девяностые оставят девяностым, а нулевые — нулевым, тогда у «сердитых» все будет хорошо. А начинать им следует с торжественных проводов лоялистов на пенсию с цветами, а не с призывов разобраться с ними по всей строгости революционной сердитости. Благодарить, прощаться, раздавать транквилизаторы тем, кто недоволен таким мягким обращением с лоялистами, и двигаться дальше.■

Специально для Ярославского Форума

СНИЖЕНИЕ ЛОЯЛЬНОСТИ К ГОСУДАРСТВУ

АЛЕКСАНДР ШМЕЛЕВ — бывший главный редактор деловой газеты «Взгляд». Один из лидеров и идеологов движения «Новые правые», а также дискуссионного Столыпинского клуба

Специально для Ярославского Форума

Нынешняя российская власть столкнулась с серьезной проблемой. Возможно, она ее еще не осознает, но от этого значимость данной проблемы не снижается. Эта проблема — кризис лояльности. Для решения этой проблемы российская власть уже сегодня должна прилагать серьезные усилия. К сожалению, возможности маневра у нее достаточно ограничены. Так, **единственный шаг, который реально может предпринять нынешняя политическая элита, желающая сохранить существующий статус-кво, — это изобразить реальную смену власти**. Впрочем, при сохранении статус-кво в течение ближайших 10–15 лет в России может произойти то, что случилось в Египте и Тунисе. Чтобы этого не случилось, необходимо рекрутировать во власть новое поколение.

Новое поколение политиков часто приходит из местного самоуправления, но, к сожалению, местное самоуправление в России практически не развито, а появляющаяся зеленая поросль, grass roots, часто гибнет под асфальтовым катком губернаторской и федеральной властей. Так, мэров городов практически нигде более не

избирают, а назначают вместо них сити-менеджеров. Как вырваться из этой ситуации, сказать сложно. Может, просто объявить открытый конкурс? Впрочем, **людей, которые хотят оказаться у власти, довольно много, поэтому, скорее, вопрос в том, как отобрать лучших, а не откуда их взять**.

Это тем более важно в России, где люди не читают политические программы, а реагируют на персоналии и на общий меседж, который эти персоналии несут. Скажем, медведевский меседж под условным названием «модернизация» концептуально вполне разумен. Равно и путинские меседжи про стабильность и постепенное развитие также неплохи. Но при столкновении этих двух меседжей, с одной стороны, люди запутываются, а с другой — понимают, что не наблюдают ни того ни другого.

Как следствие — снижается лояльность по отношению к государству. Люди видят: что-то неладно. Представители власти открыто критикуют друг друга, правоохранительные органы открыто друг с другом воюют. В подобных условиях требовать от простых людей лояльности нельзя. ■